

М. В. Литовченко

ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «РАССКАЗ НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»: ДИАЛОГ С «ОНЕГИНСКИМ» СЮЖЕТОМ

В данной работе отмечены переключки художественной системы чеховской повести с образной структурой «Евгения Онегина», а также текстуальные совпадения, которые оттеняют внутреннюю близость и различие героев Пушкина и Чехова. Раскрывается своеобразие чеховского решения типичной «литературной» ситуации – «Русский человек на rendez-vous».

Ключевые слова: Чехов, Пушкин, «онегинский» сюжет, «лишний человек».

«Евгений Онегин» был тем пушкинским произведением, к которому А. П. Чехов обращался на протяжении всего своего творчества. Анализ рассказов, писем, записных книжек Чехова убеждает, что роман в стихах постоянно находился в поле его художественного внимания. Сохранилось немало чеховских высказываний, отражающих глубоко личное восприятие великого романа: свое собственное настроение писатель соотносит подчас с мотивами и образами «Евгения Онегина», душевное состояние он выражает, опираясь на бессмертные пушкинские строки. Например, выпавший в Москве первый снег вызывает у писателя такое чувство, которое описано Пушкиным в начале V главы романа («В окно увидела Татьяна...»). Чехова постоянно незримо сопровождают образы пушкинских героев: так, «во время заграничного путешествия 1891 года две голландочки в Риме напоминают ему Татьяну и Ольгу» [1, с. 6]. Можно утверждать, что на фоне огромного наследия Пушкина «Евгений Онегин» являлся для Чехова самым дорогим произведением, к которому писатель прибегал необыкновенно часто в различных жизненных ситуациях и творческих поисках.

Художественная система «Евгения Онегина» получает сложнейшее преломление в «Рассказе неизвестного человека» (1893). Эта повесть сразу после появления вызвала многочисленные отклики и была воспринята в контексте русской классической литературы. Так, И. И. Иванов отметил, что Чехов «дал изображение опустошенной, равнодушной, зараженной иронией интеллигенции, пришедшей на смену “лишним людям”» [2, с. 482]. Другой критик подчеркнул «сходство “неизвестного человека” с героями-неудачниками 40-х годов» [там же, с. 482]. В современном чеховедении выделено сходство общей сюжетной схемы «Рассказа неизвестного человека» и прозаического отрывка А. С. Пушкина «На углу маленькой площади» [3, с. 59–60]. Однако художественная связь чеховского произведения с «Евгением Онегиным» до сих пор не была детально рассмотрена исследователями.

«Внешний» повод для такого сопоставления представляет строка из романа в стихах, дважды

введенная в структуру повести: «Что день грядущий мне готовит?». Эта цитата, связанная с последней элегией Ленского, относится у Чехова к образу Грузина, который словно представляет собой вариант «повзрослевшего» пушкинского героя. Любопытно, что привычный «жест» Грузина переключается с поведением юного поэта перед дуэлью: «Садился он за клавикуды, / И брал на них одни аккорды» [4, с. 124]. О чеховском герое сказано: «Бывало, сядет за рояль, возьмет два-три аккорда и запоет тихо:

Что день грядущий мне готовит?» [2, с. 148]. Пушкинская цитата выступает как некий «код», направляющий к тексту романа.

Кроме этой явной отсылки, в «Рассказе неизвестного человека» присутствуют и другие реминисценции из «Евгения Онегина»: Чехов использует пушкинскую художественную модель для воплощения современного жизненного содержания. На наш взгляд, в повести представлена «романная» модель, выраженная на уровне хронотопической, сюжетной и повествовательной организации произведения.

Прежде всего наблюдаются переключки между изображением квартиры Орлова и дома Онегина: в обоих произведениях большое внимание уделяется описанию кабинета героя – светского человека. Так, среди прочих деталей кабинета Онегина отмечены «Духи в граненом хрустале; / Гребенки, пилочки стальные, / Прямые ножницы, кривые, / И щетки тридцати родов...» [4, с. 15]. Чеховский герой, «пахнувший свежими духами», «возился... со щетками и гребенками» [2, с. 151]. Кроме того, для обоих героев характерен ночной распорядок жизни («И утро в полночь обратя...»). Все это – черты сибаритства, дендизма, которые очерчивают образ петербуржца, причастного к жизни «света».

И Орлов, и Онегин живут словно в циклическом времени («И завтра то же, что вчера»). Статичность, повторяемость в жизни чеховских героев всегда свидетельствуют не в их пользу. В «Рассказе неизвестного человека» акцентируется «бесконечное повторение одного и того же: идет время, проходит жизнь, по ее естественному закону люди

должны изменяться» [5, с. 29], между тем в жизни Орлова по большому счету не меняется ничего. Не случайно в финале повести Неизвестный человек отмечает, что Орлов «нисколько не изменился: все то же холерное, неприятное лицо, та же ирония. И на столе, как в прежнее время, лежала какая-то новая книга с заложенным в нее ножом из слоновой кости» [2, с. 210]. Привычка вообще играет огромную роль в жизненном укладе чеховского и пушкинского героев. В начале четвертой главы романа характеристика Онегина открывается знаменательными словами: «Привычкой жизни избалован...». Орлова также отличает упрямое нежелание менять свой образ жизни, а значит, о ком-либо заботиться.

Обоим героям присуще стремление сберечь свой внутренний покой, душевный комфорт, что проявляется в их реакции на чужие слезы, прежде всего это раздражение и страх: «Траги-нервических явлений, / Девичьих обмороков, слез / Давно терпеть не мог Евгений...» [4, с. 111]. В сцене «проповеди» Онегин рисует перед Татьяной безрадостную картину их возможного супружества: «Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас; / Начнете плакать: ваши слезы / Не тронут сердца моего, / А будут лишь бесить его» [там же, с. 78]. Короткая совместная жизнь Орлова и Зинаиды Федоровны воплощает именно такое развитие сюжета, демонстрируя всю душевную черствость героя: «Орлов, не любивший слез, стал видимо бояться и избегать разговоров...» [2, с. 170]. Подобно пушкинскому герою, он видит в семейном «очаге» лишь помеху для собственной свободы, «ряд уютных картин».

Вполне возможно, что при создании образа Орлова Чехов ориентировался на традиции пушкинского романа: слишком многое роднит двух героев. «Язвительный спор», «шутка с желчью пополам» Онегина словно перекликаются с «привычной» иронией чеховского Орлова. Сближает их и такая особенность, как своеобразная бессистемность в чтении: «...То была какая-то каша. И философия, и французские романы, и политическая экономия, и финансы, и новые поэты, и издания “Посредника”...» [2, с. 141]. Сумбурное чтение характеризует и Онегина: «Стал вновь читать он без разбора. / Прочел он Гиббона, Руссо, / Манзони, Гердера, Шамфора, / ...Прочел из наших кой-кого, / Не отвергая ничего: / И альманахи, и журналы...» [4, с. 182–183]. Чтение «без разбора» выступает как признак «хаотичности» духовной жизни, отсутствия серьезной внутренней основы.

В «Рассказе неизвестного человека» звучат те же темы, которые во многом определяют содержание пушкинского романа. Среди них – вопрос о «высшем свете», о котором спорят Зинаида Федоровна и Орлов. Из рассуждений героя становится

очевидным его принципиальное отличие от пушкинского героя: Орлов отнюдь не находится в состоянии конфликта с обществом («светом») – напротив, он всячески декларирует свою к нему принадлежность: «Я достойный отпрыск того самого гнилого света» [2, с. 179], «...я, не задумываясь, выбрал бы высший [свет]... так как все мои вкусы на его стороне» [там же, с. 178]. Онегин переживает сложную эволюцию от упоения светской жизнью – до разочарования и скуки и, наконец, духовного пробуждения (любовь к Татьяне). Орлов же остается до конца верен своим привычкам. Это абсолютно статичный, внутренне застывший герой, который выступает как сниженный образ Евгения Онегина, как «лишний человек», предельно пустой, опошлившийся и не способный любить никого, кроме самого себя.

Помимо, условно говоря, «хронотопического» уровня (который связан с распорядком жизни Орлова) в повести выявляется и сюжетный уровень, также отсылающий к пушкинскому роману. Можно утверждать, что события повести в самом общем виде соотносимы с сюжетом «Евгения Онегина». Мы сталкиваемся со своеобразным продолжением «онегинской» ситуации: в отличие от Онегина, «не сумевшего увлечь за собою замужнюю Татьяну» [6, с. 152], Орлов увлек Зинаиду Федоровну от мужа. Чехов как бы ставит художественный эксперимент, направляя действие по тому «руслу», которое в свое время было намечено Д. И. Писаревым. Комментируя финал романа «Евгений Онегин», критик писал: «Пушкину предоставляется очень удобный случай измерить глубину и силу онегинской любви, но Пушкин... не воспользовался этим случаем... Это полное разоблачение ничтожной личности было бы неизбежно, если бы на месте Татьяны стояла энергичная женщина, любящая Онегина действительной, а не придуманной любовью. Если бы эта женщина бросилась на шею к Онегину и сказала ему: я твоя на всю жизнь, но во что бы то ни стало, увези меня прочь от мужа, потому что я не хочу играть с ним подлую комедию, – то восторги Онегина в одну минуту охладели бы очень сильно». Писарев полагал, что Онегин, если бы и решился, «скрепя сердце, увезти эту женщину куда-нибудь за границу», то «между невольным похитителем и несчастной жертвой завязались бы немедленно такие скрипучие и мучительные отношения, которых бы не выдержала ни одна порядочная женщина. Дело кончилось бы тем, что она убежала бы от него, выучившись презирать его до глубины души...» [7, с. 350–351].

Предлагаемый Писаревым вариант пушкинского сюжета оказался удивительно близок «Рассказу неизвестного человека». Это тем более неожиданно, что Чехов называл Писарева «воюющим испан-

ским монахом» и не мог простить ему «отношения к Татьяне». «Ужасно наивно, – писал он, – человек развенчивает Онегина и Татьяну, а Пушкин остается целехонек» [8, с. 22]. Цитируемое высказывание писателя относится к 1892 г.: именно тогда, перечитывая статьи Писарева о Пушкине, он работал над повестью.

А. П. Чехов раскрывает традиционную для русской литературы и демократической критики XIX в. сюжетную схему – «русский человек на rendez-vous», действующими лицами в которой являются женщина как носительница глубокого чувства и герой, который не способен это чувство оценить. Любовный «треугольник», представленный в повести (Орлов – Зинаида Федоровна – Неизвестный человек), позволяет вспомнить условный «треугольник» пушкинского романа: как и в «Евгении Онегине», необычность ситуации состоит в том, что речь идет не о соперничестве, а о спасении героини.

Образ Неизвестного человека является предельно сложным, он как бы дробится между двумя литературными типами, вбирая в себя, с одной стороны, черты «лишнего человека», а с другой – пушкинского Автора-повествователя. Повествователь в романе любит Татьяну как личность, сопереживает и предстает по отношению к ней своеобразным «спасителем». Неизвестный человек также духовно близок героине и выступает в роли спасителя Зинаиды Федоровны, являясь одновременно повествователем, «рассказчиком» в структуре произведения. Таким образом, Чехову потребовался в роли повествователя самостоятельный герой с его объективной манерой, – герой, который непосредственно погружен в мир Орлова и Зинаиды Федоровны.

В этом отношении весьма примечателен факт «анонимности» Неизвестного человека, имя которого – Владимир Иванович – мы узнаем почти в финале повести. Это желание скрыть свое лицо по-своему роднит чеховского героя и повествователя в «Евгении Онегине». В свою очередь, художественная «роль» образа Зинаиды Федоровны напоминает одну из ипостасей образа Татьяны Лариной, которая выступает в лирическом сюжете как муза, вдохновительница Автора. Все указанные особенности формируют необычайно сложную повествовательную организацию чеховской повести.

Неизвестный человек сам говорит о своей принадлежности к типу «лишних людей»: «...я – мечтатель и, если угодно, лишний человек, неудачник» [2, с. 199]. Эта характеристика свидетельствует об известной «литературности» сознания героя, который неоднократно прибегает к сопоставлению с теми или иными художественными ситуациями: «Я мельком... оглянулся на свою странную, бес-

толковую жизнь, и вспомнилась мне почему-то мелодрама “Парижские нищие”» [2, с. 195], «...мне представлялось, что оба мы участвуем в каком-то романе, в старинном вкусе, под названием “Злосчастная”...» [2, с. 199]. Такое мышление литературными категориями словно иллюстрирует характеристику «лишнего человека», данную Ю. М. Лотманом: «Историческая психология этого типа неотделима от переживания себя как “героя романа”, а своей жизни – как реализации некоторого сюжета» [9, с. 456]. В связи с этим не случайно, что Владимир Иванович ощущает себя играющим какую-то ложную роль: «...в жизни этой женщины я играю странную, вероятно, фальшивую роль...» [2, с. 204]. Как известно, «литературность» является важнейшей составляющей смысловой структуры «Евгения Онегина».

В контексте чеховской повести необычайно актуальна и другая особенность психологии «лишнего человека», выделенная Ю. М. Лотманом: «Романный сюжет застает “лишнего человека” после окончания пятого акта его жизненной пьесы, лишнего сценария дальнейшего поведения. ...деятельность после деятельности превращается в дрящуюся бездеятельность» [9, с. 457]. Эта характеристика представляется весьма точной для духовного портрета чеховского героя. Владимир Иванович, разочарованный в своих былых идеалах борьбы, лишенный «веры», сталкивается с проблемой мучительного духовного кризиса. «Захваченный» Чеховым в этот переломный момент, он действительно предстает «героем, живущим после окончания собственного амплуа» [там же, с. 457]. После несостоявшегося покушения на известного сановника, Орлова-отца, жизнь Владимира Ивановича на какое-то время (до появления Сони) теряет всяческий смысл: «Кто же я теперь такой? ...Для чего я живу?» [2, с. 183].

Чеховедами отмечена, казалось бы, парадоксальная близость Орлова и Неизвестного человека. Например, В. И. Камянов задается вопросом: «...отчего герой-конспиратор столь раздражен уравновешенностью Орлова?.. Не оттого ли, что своим примером тот снизил, окаррикурировал идеал “покоя”, “обывательской жизни”, которому с некоторых пор привержен подпольщик?.. Бестревожный Орлов и встревоженный повествователь связаны тонкой, но прочной нитью» [10, с. 74]. Эти герои по-своему оба «лишние люди»: они и сами осознают себя представителями одного поколения, зараженного одинаковыми духовными недугами. Неизвестный человек в обличительном письме как бы уравнивает себя и Орлова: «Вы и я – оба упали и оба уже никогда не встанем» [2, с. 188], «Отчего мы утомились? Отчего мы, вначале такие страстные, смелые, благородные, верующие, к 30–35 го-

дам становимся уже полными банкротами?» [2, с. 190]. Не случайно многие современные Чехову критики сближали двух героев, и «чеховская повесть воспринималась как реквием целому поколению, лишенному будущего» [там же, с. 481].

Но очевидно, что между ними не стоит ставить знак равенства. Их принципиальное отличие наиболее ярко выражается в разном проявлении «равнодушия». Эта черта свойственна и Орлову, и Неизвестному человеку. Так, Орлов характеризуется следующим образом: «Он был сговорчив, как все равнодушные люди» [там же, с. 163]. Неизвестный же становится равнодушным в силу перемены мировоззрения. Он безразличен к своей былой деятельности и поэтому ныне «совершенно равнодушно посматривает» на Орлова-старшего.

Однако «равнодушие» Владимира Ивановича имеет и философский характер, показателем чего является отсутствие у героя страха смерти. Примечательно, что Неизвестный человек говорит о неизбежности скорого конца (герой обречен!) поразительно спокойно: «...я уже дотягивал свою песню» [там же, с. 210], «...не сегодня-завтра я превращусь в звук пустой» [там же, с. 211]. Орлов же, очевидно, смерти боится: он «слегка покраснел, нахмурился...на него неприятно подействовали слова мои о превращении в звук пустой, о смерти» [там же].

К своей участи Неизвестный человек равнодушен, но он горячо переживает за судьбу Сони: в его отношении к этому ребенку равнодушие уступает место деятельной любви. В данном аспекте интересно сопоставить представления героев о человеческом «бессмертии»: Орлов и его приятели «говорили, что... со смертью личность исчезает совершенно» [там же, с. 149]. Владимир Иванович признается: «В ней [Соне] я видел продолжение своей жизни, и мне не то чтобы казалось, а я чувствовал, почти веровал, что когда, наконец, я сброшу с себя длинное, костлявое тело, то буду жить в этих голубых глазах, в белокурых шелковых волосиках и в

этих пухлых, розовых ручонках...» [там же, с. 209].

Образ Неизвестного человека отличается крайней сложностью и противоречивостью. При этом весьма показательно, что в правке, касающейся характеристики Владимира Ивановича, «видна определенная тенденция – сокращение тех мест, которые содержали элементы отрицательного, критического отношения автора к этому герою» [там же, с. 475].

Герой «Рассказа неизвестного человека» помещен в экзистенциальную, пограничную ситуацию, поскольку он находится на пороге жизни и смерти, дни его сочтены. С этим связана несколько странная временная перспектива: жизненная точка, «из которой» герой ведет свое повествование, выглядит неясной, зыбкой, ускользающей. В результате создается художественный эффект, подобный пушкинскому, представленному в финале «Евгения Онегина», где прощание с произведением звучит как самое главное прощание – с праздником Жизни [11, с. 287; 12, с. 25–26].

Таким образом, для чеховского творчества явилась актуальной художественная форма «любовного романа» – произведения о несостоявшейся любви. А кроме того, Чехову оказалась необычайно близка сама художественная философия Пушкина, наиболее полно явленная в «Евгении Онегине» – романе, который в восприятии Чехова был образцом эстетического совершенства. Ю. М. Лотман очень точно отметил, что «выносить приговор противоречило поэтике Пушкина» [9, с. 196]. «Приговор» не входил и в задачу Чехова, чье творчество демонстрирует принципиальный антидидактизм. Чехов писал в письме к А. С. Суворину: «Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника... В “Онегине” не решен ни один вопрос, но все вопросы поставлены правильно» (курсив Чехова) [13, с. 46]. Такое художественное мировоззрение является поистине чеховским [14].

Список литературы

1. Сахарова Е. М. Пушкинские мотивы в «Черном монахе» // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература. М., 1978.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1974–1988. Сочинения: В 18 т. Т. 8.
3. Кузичева А. П. Пушкинские цитаты в произведениях Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М., 1994–1996. Т. 6.
5. Маркович В. М. Пушкин, Чехов и судьба «лелеющей душу гуманности» // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998.
6. Кошелев В. А. Онегинский «миф» в прозе Чехова // Там же.
7. Писарев Д. И. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1956. Т. 3.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1974–1988. Письма: В 12 т. Т. 5.
9. Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: спецкурс // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 2003.
10. Камянов В. И. Время против безвременья. М., 1989.
11. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
12. Меднис Н. Е. Проблемы психологии и философии творчества в романе «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Горький, 1983.

13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1974–1988. Письма: В 12 т. Т. 3.
14. Разумова Н. Е. К вопросу о мировоззрении Чехова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2001. Вып. 1 (26). С. 29–34.

Литовченко М. В., кандидат филологических наук, доцент.

Кемеровский государственный университет культуры и искусств.

Ул. Спортивная, 91, Кемерово, Россия,

E-mail: mistral-mariya@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.01.2012.

M. V. Litovchenko

CHEKHOV'S "STORY OF THE UNKNOWN MAN": DIALOGUE WITH "ONEGIN" PLOT

The correlations between the literary system of Chekhov's story and the image system of "Eugene Onegin" are defined in this article. The textual coincidences, which emphasize the "connection" and difference between Pushkin's and Chekhov's characters, are analyzed. The originality of the Chekhov's view of the typical "literary" situation "The Russian on a rendez-vous" is disclosed.

Key words: *Chekhov, Pushkin, "Onegin" plot, "useless man".*

Kemerovo State University of Culture and Arts.

Ul. Sportivnaya, 91, Kemerovo, Russia,

E-mail: mistral-mariya@rambler.ru